

Сергей Патрушев

Современное поколение

Сергей Патрушев

Современное поколение

«Автор»

2026

Патрушев С.

Современное поколение / С. Патрушев — «Автор», 2026

Современное поколение — это не просто диагноз эпохе, а тонкое, многослойное исследование внутреннего мира тех, кто родился на стыке двух реальностей. История Леона, его сестры Веры и их окружения — это история тихого бунта. Герои не сжигают смартфоны и не уходят в тайгу. Они пытаются выжить в цифровом потоке, не утонув в нем, отвоевывая у алгоритмов крошечные островки подлинной жизни: разговор в кафе без вай-фая, шершавую бумагу старой фотографии, спонтанный смех под дождем. Роман без пафоса и громких заявлений говорит о важном: о раздвоении личности между живым чувством и его цифровой упаковкой, о тоске по непосредственному опыту, о страхе исчезнуть, выпав из ленты. Это попытка нащупать баланс, найти новый язык существования — там, где технология не заменяет реальность, а становится для нее не стеной, но инструментом. Книга — о поиске смелости иногда быть просто человеком у забора, а не аватаром в сети, и о тихой радости, которую можно обрести в этой простоте.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Патрушев

Современное поколение

Глава 1

Воздух был густым от ожидания, тем густым, липким ожиданием, которое не рассеять открытым окном, потому что окно это – экран. Одновременно окно в мир и стена, отгораживающая от него. Леон щелкал бесконечной лентой коротких, кричащих роликов, где люди смеялись слишком громко и падали слишком эффектно. Каждый всплеск адреналина длился ровно столько, чтобы палец, движимый мышечной памятью, потянулся к следующему. Тик-ток, тик-ток, не звук часов, а ритм потребления. Ощущение было знакомым – будто он голоден, но не может вспомнить, что именно хочет съесть, и потому безвкусно жует цифровой попкорн, пока не онемеют челюсти.

За стеной, в соседней комнате, его сестра Вера говорила с кем-то вслух, и Леон сначала подумал, что у нее гость. Но нет, это был просто обычный голосовой чат, диалог, разбитый на фрагменты между посторонними шумами и паузами, пока собеседник что-то печатал. «Ага... Понял... Абсолютно... Нет, просто устала». Фразы-заглушки, заполняющие пустоту реального молчания. Вера существовала в параллельном измерении, где ее личность была собрана из реакций на чужие сторис, тщательно отфильтрованных селфи и мемов, точно передающих «ее настрой». Иногда Леон ловил себя на мысли, что знает онлайн-персону сестры лучше, чем ее тихий, немного растерянный взгляд за завтраком, когда она еще не успевала надеть цифровую маску.

Он отложил телефон, и тишина навалилась внезапно и громко. Не настоящая тишина, конечно. Гул холодильника, шипение воды в трубах, вечный дальний гул мегаполиса за стеклом пакетом. Но внутри черепа все еще звенела та какофония, что он только что впускал в себя. Леон встал и подошел к окну. Внизу текло море огней, машин, таких же одиноких коробочек, несущих людей по проложенным маршрутам. Каждый в своем пузырьке. Раньше, в книгах, которые он читал в школе, одиночество было драматичным, горьким, иногда возвышенным. Сейчас оно было другим. Оно было подключенным. Ты никогда не один, ты всегда на связи, ты часть огромного, бурлящего потока. И именно это делало тишину в собственной голове такой пугающей. Потому что выйти из потока – значит исчезнуть. Перестать быть в курсе. Выпасть из повестки.

Его отец, человек, чья юность пахла книжной пылью и поездами в никуда, часто говорил с легким недоумением: «У вас же все есть. Весь мир в кармане». И это было правдой. Весь мир. Но как читать карту, если ты сам – лишь мигающая точка на ней? Как собрать целостную картину из миллиарда пикселей, каждый из которых кричит о себе?

Леон вернулся к столу, где рядом с ноутбуком лежала раскрытая тетрадь. Чистая. Он попытался что-то нацарапать – мысль, ощущение. Но рука двигалась непривычно, буквы выходили коряво. Проще было бы набрать текст, но тогда это сразу стало бы «документом», чем-то, что можно отредактировать, удалить, отправить. А тут – бумага. Она не прощает. Ошибка, клякса, нервный росчерк – все навечно. В этом был странный, почти забытый трепет.

Он взглянул на экран ноутбука. Всплыло уведомление: «Память «Этот день год назад». Он кликнул. На фото – он и друзья, в лесу, смеются. Он помнил тот день. Помнил запах хвои

и углей, ощущение усталости в ногах после долгой прогулки, вкус пригоревшего зефира. Но сначала он увидел фото. Сначала – цифровое свидетельство. И только потом, как эхо, пришла настоящая память, уже слегка искаженная идеальным кадром. Реальность стала иллюстрацией к своему же цифровому следу.

«Современное поколение», – думал Леон, глядя на свое отражение в темном экране телефона. Его не выбирали. В него просто попали, как в поезд, уже мчащийся на огромной скорости. И теперь нужно было понять, как им управлять, или хотя бы как не выпасть на повороте, не разбиться о вечные вопросы, которые никуда не делись, просто их стало сложнее слышать сквозь постоянный информационный шум. Поколение, которое помнит мир до и после. Поколение, которое дружит, ссорится и влюбляется, глядя на экраны, но все еще ищет тепла человеческой руки в метро в час пик. Поколение разорванного сознания, живущее на стыке двух вселенных, не принадлежащее до конца ни одной из них.

Он снова взял телефон. Не потому, что очень хотел, а потому, что это было пространство, воздух, среда. Новое уведомление. Новое сообщение. Новый день в бесконечном потоке. За окном медленно гасли огни, наступала та самая, единственная тишина, которую пока еще нельзя было поставить на паузу или скачать. И в этой тишине, между щелчком браузера и гулом процессора, жила его настоящая, неозвученная жизнь. Глава только начиналась.

Глава 2

Тишина продержалась недолго. В кофе-пойнте на первом этаже его бизнес-центра царил утренний ритуал, знакомый до мелочей. Леон стоял в очереди, наблюдая, как десятки людей, не отрываясь от экранов, совершают механические движения: прикладывают телефон к терминалу, забирают стаканчик, находят свободное место. Звуковой фон был низкочастотным гулом – шипение кофемашины, стук клавиатур на ноутбуках, приглушенные обрывки звонков. Живой речи почти не было.

Он пристроился у высокого столика у окна. Перед ним сидела девушка, уткнувшись в планшет, по экрану которого бежали строчки субтитров какого-то образовательного ролика. Ее лицо было сосредоточенным и абсолютно отстраненным. Леон представил, что видит вокруг не людей, а их цифровые ауры – тянущиеся нити уведомлений, облачки неотправленных сообщений, прозрачные стены из запущенных в фоне подкастов. Каждый в своем коконе параллельной реальности.

Его коллега Марк плюхнулся напротив, поставив на стол двойной эспрессо. «Ты в курсе, что вчера Саша выложил сторис с тимбилдинга? Только не на корпоративный акк, а на личный. И там, на заднем плане, видно, как Кристина плачет в углу. Эпичный фейл».

Леон медленно кивнул. Он этого не видел. Он даже не знал, что Кристина плакала. Вчера он ушел одним из первых, чувствуя ту самую, липкую усталость от необходимости быть «в теме», шутить, участвовать. А событие уже обрело свою вторую, цифровую жизнь, обрастая комментариями и интерпретациями. Реальность меркла на фоне ее отфильтрованной версии.

«И что?» – спросил Леон, отпивая свой капучино.

«Да ничего, – пожал плечами Марк. – Просто инфоповод. Будет о чем потрепаться сегодня на планерке. Жаль, ты вчера свалил, мог бы в кадр попасть».

В этом был весь смысл – попасть в кадр. Остаться в цифровом поле видимости. Неучастие в этом потоке приравнивалось к небытию.

Леон вышел на улицу. Свежий ветер ударил в лицо, и он на мгновение закрыл глаза, отсекая визуальный шум. В кармане завибрировал телефон – мать прислала фото их старой собаки с подписью «Скучает». Сердце ёкнуло тепло и больно. Вот он, тот самый редкий, нефальсифицированный кусочек реальности, прорвавшийся сквозь цифровую завесу. Просто собака. Просто скучает.

Он поднял голову и увидел, как на остановке молодой парень, улыбаясь, что-то показывает на своем телефоне девушке. Она смеется, настоящим, не приглушенным смехом, и наклоняется ближе к экрану. Этот экран не был стеной между ними. Он был мостом. В этом жесте – показать, разделить – была какая-то древняя, почти забытая магия.

Леон вдруг понял, что они все – как алхимики. Пытаются превратить свинец бесконечного цифрового шума в золото настоящей связи. Иногда получается. Чаще – нет. Но сам процесс, эта вечная попытка, и была сутью их поколения. Жить в разрыве, постоянно балансируя на тонкой грани между мирами, пытаясь не потерять себя ни в одном из них. Он сделал шаг вперед, в поток людей, ощущая в кармане вес устройства, которое было и тюрьмой, и ключом одновременно. Путь предстоял долгий.

Глава 3

Мысль об алхимии не отпускала его весь день. На планерке он смотрел на коллег, кивающих головой в такт словам руководителя, и видел не людей, а процессы. Кристина, вчерашние слезы которой уже стали корпоративным фольклором, отчаянно пыталась вернуться в русло, ее улыбка была слишком яркой, глаза – слишком сосредоточенными. Марк ловил его взгляд и едва заметно подмигивал, комментируя происходящее в личном чате, который они вели параллельно с совещанием. Два мира. Всегда два мира.

Вечером Леон не поехал домой сразу. Ноги сами понесли его в старый парк, расположенный в стороне от оживленных магистралей. Здесь было тише, хотя и не безлюдно. Пожилые люди прогуливались по аллеям, молодые мамы катили коляски. И почти у каждого в руке был тот же светящийся прямоугольник. Он нашел скамейку у почти заросшего пруда и сел, намеренно положив телефон экраном вниз на колени.

Он пытался просто смотреть. Видеть не объекты, а детали: как ветер шевелит пожухлую осеннюю листву на воде, создавая сложный, живой узор. Как серая утка резко ныряет, оставляя на поверхности расходящиеся круги. Как на стволе старой ивы трещина похожа на карту неизвестной страны. Это требовало усилия. Мозг, привыкший к быстрой смене кадров, сопротивлялся, требуя новизны. Рука сама потянулась к телефону, чтобы зафиксировать момент, «сохранить» его, но Леон сжал пальцы. Он хотел пережить, а не записать. Ощутить время, а не остановить его.

К нему подбежал маленький мальчик, лет пяти, и, не глядя, швырнул в воду кусок хлеба. Утка моментально устремила к угощению. Мальчик засмеялся громко и беззаботно, а его мать, оторвавшись на секунду от экрана, улыбнулась ему той усталой, но безусловной улыбкой, которая не нуждается в фильтрах. Потом она снова наклонилась к телефону. Но момент случился. Он был чистым, непосредственным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.